

Громкие дела

Преступления и наказания в СССР

ЕВА МЕРКАЧЁВА

18+

Ева Меркачёва

**Громкие дела. Преступления
и наказания в СССР**

«Альпина Диджитал»

2023

Меркачёва Е. М.

Громкие дела. Преступления и наказания в СССР /
Е. М. Меркачёва — «Альпина Диджитал», 2023

ISBN 978-5-96-148399-4

Книга о самых громких уголовных делах советской эпохи. Многие материалы ранее не публиковались и были впервые выданы из архивов лично автору. Благодаря доступу к этим документам и общению с очевидцами Еве Меркачёвой удалось восстановить картины судебных процессов над последним казненным в СССР – маньяком Фишером, над единственным расстрелянным в советское время ребенком Аркадием Нейландом, над палачом Антониной Макаровой по прозвищу Тонька-пулеметчица, над Бертой Бородкиной, накрывавшей столы самому Леониду Брежневу – единственной приговоренной к высшей мере по экономической статье. Перекинуть мостик в прошлое не только интересно и познавательно, но и полезно для осознания тех процессов, что происходят в судебной практике сегодня. К каждой главе прилагаются архивные иллюстрации из уголовных дел и материалов судов – они дают читателю возможность погрузиться в атмосферу описываемых событий и своими глазами увидеть подлинные протоколы допросов, рукописные приговоры, справки об исполнении смертной казни и то, как выглядели тома дел, жертвы, преступники и места преступлений. Завершает книгу единственное досоветское дело «царицы воровского мира» Соньки Золотой Ручки, с которого начался интерес автора к теме судебных расследований. Эта книга не дает прямого ответа на вопрос, почему тот или иной человек становится авантюристом, мошенником, злодеем. Однако в ней собраны яркие исторические примеры, которые в свое время наделали шуму и до сих пор продолжают будоражить умы, демонстрируя нам все возможные грани человеческой сущности. Особенности Уникальные фото из архивов судов, документальные иллюстрации, многие из которых публикуются впервые. Книга подготовлена при поддержке Судебного департамента при Верховном суде РФ.

ISBN 978-5-96-148399-4

© Меркачёва Е. М., 2023

© Альпина Диджитал, 2023

Содержание

Предисловие	9
Введение	13
Часть I	15
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ева Михайловна Меркачёва

Громкие дела: Преступления и наказания в СССР

Редактор *Екатерина Иванкевич*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *О. Равданис*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *М. Стимбирис, О. Улантимова, Е. Чудинова*

Верстка *А. Абрамов*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Меркачёва Е. М., 2023

© ООО «Альпина Паблишер», 2023

* * *

Ева Меркачёва

ГРОМКИЕ ДЕЛА

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И НАКАЗАНИЯ В СССР

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва

2023

Предисловие

Книга написана известным российским журналистом и правозащитником, членом Общественной наблюдательной комиссии г. Москвы, членом Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, обладателем премии «Золотое перо России» Евой Меркачёвой.

О чем эта книга? Она состоит из очерков, посвященных анализу и содержанию судебных уголовных дел советской эпохи. Правда, один из них относится к событиям досоветского времени – это очерк о легендарной «царице» тогдашнего воровского мира Соньке Золотой Ручке, которую воочию видел еще А.П. Чехов во время своей известной поездки на Дальний Восток, воплотившейся в книгу «Остров Сахалин». Так что книга Е. Меркачёвой – это своеобразная хроника судебных уголовных дел именно советского времени. То есть жанр ее можно назвать вполне историческим. Хотим мы или нет (нравится кому-то или нет), но история знаковых для соответствующей эпохи уголовных дел – это своего рода специфическая история нашего государства, народа и общества. Без учета этой истории, которая всегда поучительна (даже если гордиться ею не приходится), немислимо никакое продвижение вперед, и преодоление на этом пути возможных правоприменительных препятствий (особенно в аспекте реализации законности и исполнения выносимых приговоров) действительно связано с немалыми трудностями. Любое из судебных дел прошлого, привлечших внимание автора, дает содержательную картину преступлений и наказаний того времени, служит яркой характеристикой эпохи – в особенности ее социально-политических и нравственных начал. Содержание этих дел по своей уголовно-правовой и криминологической природе очень разнообразно. Среди них и судьба изменницы Родины – полиция и палача Тоньки-пулеметчицы, приводившей в исполнение смертные приговоры, которые выносили фашистские оккупанты партизанам и их семьям, включая женщин и детей. И рассказ о Железной Белле, расстрелянной уже в брежневские времена (называвшиеся тогда в программных документах КПСС «развитым социализмом») за экономические преступления в сфере советской торговли (получение и дача взяток). И история Аркадия Нейланда, приговоренного к смертной казни за убийство, совершенное в 14 лет (т. е. приговора явно незаконного). И дело о распространении песен и стихов В. Высоцкого как «порочащих государственный и общественный строй», т. е. как антисоветских. И относительно недавний смертный приговор, вынесенный маньяку по кличке Фишер за изнасилование и убийство 11 малолетних мальчиков. И все остальные дела, о которых пойдет речь в этой книге.

Напомню, что в 2021 г. Е. Меркачёва опубликовала две книги¹, в которых в качестве главной темы была обозначена и раскрыта проблема смертной казни (автор пытался убедить читателя в нецелесообразности такого наказания) и «разумных» пределов ограничения свободы лиц, находящихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Новая книга специально не акцентирует внимание на этих проблемах, однако тесно связана с ними. Например, в очерке о преступлении 21-летнего Геннадия Балагурова (в ходе разбойного нападения он нанес ранение потерпевшей, которая выжила благодаря тому, что он сам вызвал скорую помощь) приводится обращение к областному суду, приговорившему Геннадия к высшей мере наказания, – 150 работников машиностроительного завода просят не применять к нему смертную казнь. В этом же очерке описано дело 26-летнего водителя грузовика Анатолия Васильева, которого областной суд приговорил к расстрелу за то, что он, управляя автомобилем в нетрезвом состоянии, допустил ДТП, в результате чего пострадало 15 человек (трое из них

¹ Меркачёва Е.М. Град обреченных: Честный репортаж о семи колониях для пожизненно осужденных. – М.: Альпина Паблишер, 2021. Меркачёва Е.М. Тесак, Фургал и другие. «Странные» смерти, дела и быт в российских тюрьмах. – М.: Книжный мир, 2021.

погибли). Председатель Верховного Суда РСФСР А. Рубичев внес протест, в котором обратил внимание на то, что квалификация действий Васильева как умышленного преступления была ошибочной, а в связи с этим ошибочен и приговор. Протест был удовлетворен, и виновному назначили наказание в виде лишения свободы на срок 25 лет. То есть уже во времена хрущевской оттепели как трудящиеся (трудовой коллектив машиностроительного завода), так и судья (Председатель Верховного Суда РСФСР) выступили против применения в конкретном случае смертной казни в отношении конкретного же осужденного, что по определению было невозможно в годы, например, Большого террора 1930-х. И причиной этому может быть только одно – в годы оттепели правосознание (общественное и профессиональное судебское) стало другим, изменилось понимание справедливости такого наказания, как смертная казнь.

С содержанием большинства очерков мне удалось ознакомиться еще в газетном варианте (в «Московском комсомольце»), и когда я читал последние из них, мне в голову пришла мысль: было бы неплохо собрать их в самостоятельную книгу. Как читатель с удовлетворением констатирую, что Еве Меркачёвой блестяще удалось это сделать, тем самым продолжив развивать такой газетный жанр, как судебный очерк, всегда влиявший на умонастроение значительной части российского общества. Достаточно вспомнить, например, что Ф.М. Достоевский при работе над романом «Бесы» внимательно изучал газетные статьи, посвященные убийству одного из членов московской террористической организации (нечаевской – по имени ее руководителя) другими ее участниками – по мнению заговорщиков, этот человек мог выдать их полиции. В судебном процессе участвовали видные российские юристы – В. Спасович, А. Урусов, К. Арсеньев и др. С содержанием их выступлений в суде автор также был знаком из указанных газетных сообщений. В дореволюционной России XIX в. жанр судебных очерков был достаточно популярен. К нему, например, обращался «король репортеров» В. Гиляровский, а уже в позднесоветские, в том числе и перестроечные, годы в этом жанре писали такие яркие журналисты, как Е. Богат, О. Чайковская, А. Ваксберг. К сожалению, «взбесившаяся» в начале и середине 90-х гг. уже прошедшего XX в. организованная преступность с ее кровавыми разборками (в том числе и между конкурирующими группировками), едва ли не фотографически изображаемыми в столь любимых зрителями ТВ-сериалах, а также ставшие весьма популярными детективы «наших Агат Кристи» привели к потере привлекательности таких сюжетов в журналистике. Поэтому хорошо, что «МК» по-настоящему возродил этот жанр и, благодаря в первую очередь очеркам Е. Меркачёвой, достучался до читателя (т. е. общества) и властей, напомнив о проблемах, существующих в системе исполнения наказаний, – например, о нарушениях прав человека в тюремных заведениях, включая следственные изоляторы и тюремные больницы. Первым результатом стал, как известно из СМИ, законопроект об усилении уголовной ответственности за «пыточные» условия пребывания в указанных пенитенциарных учреждениях.

Эту книгу нужно рассматривать как хронику судебной практики (в том числе как анализ юридического содержания соответствующих преступлений и наказания за их совершение) по уголовным делам *советского* времени. Но как соединить при этом фактически противоположные идеологии, проявлявшиеся при расследовании и судебном рассмотрении указанных дел? С одной стороны, принцип *законности*, а с другой... «Лес рубят – щепки летят», «Был бы человек, а статья найдется». Увы, даже прошедшие 100 лет с момента Октябрьской революции и окончания Гражданской войны не смогли устранить сохранившихся в массовом правосознании противоречий относительно идеологии Красного и Белого движений, характеристики ГУЛАГовской системы наказаний, времен хрущевской оттепели и горбачевской перестройки. То есть задача эта трудная, но решение ее необходимо. Следует вспомнить на этот счет заветы наших великих историков. К примеру, С.М. Соловьева, который в предисловии к своему основному произведению «История России с древнейших времен» утверждал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить

преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор»². Это было написано в середине позапрошлого века, но ни на йоту не потеряло своей актуальности и сейчас, в том числе и для оценки уголовного права различных исторических этапов существования российского государства (досоветского православно-монархического, советского социалистически-атеистического и, наконец, постсоветского). Все эти этапы составляют единый исторический процесс, и оценку им следует давать именно с учетом этого процесса как пути (подчас не прямолинейного) к развитию и прогрессу. Только в этом случае характеристика тех или иных уголовно-правовых актов и идей не окажется выкрашенной в один цвет (либо черный, либо белый), а будет представлять собой богатую цветовую палитру, объединенную исторической предопределенностью и закономерностью исторического прогресса. Идеологические споры в правовой (в том числе и уголовно-правовой) науке, по сути дела, вполне традиционны и продолжают спор славянофилов и западников. Реальное же развитие уголовного законодательства предполагает взаимное влияние на него и той, и другой точек зрения. В этом ключе надо толковать и патристичность историка. Возьмем сферу уголовного правотворчества (в том числе и проблемы наказания). Учет национальных традиций? Непременно. Но до определенных пределов, чтобы не отстать. Учет западного? Там, где нужно, обязательно. Но тоже до определенных пределов – и опять-таки чтобы не отстать (например, техника уголовного закона есть разновидность техники вообще: не можем же мы из патриотизма всегда клепать «жигули»), но при этом и не перестать быть именно российским законодательством, не оторваться от национальных корней, от «почвы». Очень хорошо об объективности и патристизме сказал А.С. Пушкин в своем известном письме к П.Я. Чаадаеву: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»³.

Кому хотелось бы адресовать рекомендованную книгу? В первую очередь практическим работникам правосудия и правоохранительных органов – судьям, следователям, прокурорам и адвокатам. Книга поможет им лучше разобраться в законности или ее нарушении при расследовании и судебном рассмотрении любого, даже непростого, дела, проникнуть во внутренний (психологический) мир обвиняемого, установить причины, механизм и мотивацию совершенного преступления и определить адекватное этому преступлению наказание (все это, конечно же, с учетом возможных ошибок, совершенных правоприменителем, в ракурсе рассмотренных в книге исторических уголовных дел). Думается, что полезно с ней ознакомиться и студентам юридических вузов при уточнении определенной позиции уголовного закона (в первую очередь при квалификации преступления и назначении за него наказания), его доктринального (научного) и судебного толкования, а также и читателям, хотя и не занимающимся юриспруденцией как профессией, но интересующимся проблемами преступления и наказания, в особенности в этическом плане.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Избранные главы. – М.: Олма-Пресс Образование, 2004. – С. 5.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 16. Переписка. 1835–1837. – М.: Воскресенье, 1997. – С. 393.

А.В. Наумов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Национальной премии по литературе в области права

Введение

Дорогой читатель! Не знаю, держал ли ты хоть раз в руках запыленное уголовное дело, где повествуется о преступлении и преступниках, которые стали почти легендами. Мне посчастливилось – я держала. И хочу поделиться тем, что я там увидела.

Эта книга написана на основе подлинных материалов самых громких и таинственных судебных дел, разбиравшихся в судах нашей страны в основном в советское время. Благодаря доступу к судебным архивам и общению с очевидцами (в рамках совместного проекта с Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации) стало возможно восстановить картину судебных процессов над «царицей воровского мира» Сонькой Золотой Ручкой и «матерью всех воров» СССР Калей Никифоровой, над приговоренной к высшей мере наказания Антониной Макаровой по прозвищу Тонька-пулеметчица и «королевой Геленджика» Бертой Бородинкой (единственной казненной за «экономику» женщиной)... Но в этих материалах женщины встречаются нам не только на скамье подсудимых, куда чаще они – жертвы, в том числе домашнего насилия, которого хватало во все времена.

В книге есть материалы дела единственного расстрелянного ребенка Аркадия Нейланда и последнего казненного в СССР маньяка Фишера, «патриарха криминального мира» Япончика и никому не известного преступника, совершившего первое в СССР заказное убийство судьи. А также многие другие.

Перекинуть мостик в прошлое полезно для осознания того, что происходит сегодня. Ратующие за возврат смертной казни могут изменить свое мнение, прочитав четыре истории молодых людей, приговоренных к высшей мере. Только один из них чудом спасся от расстрела благодаря вмешательству Председателя Верховного Суда РСФСР, остальные были казнены. Ни он, ни остальные трое не были серийными убийцами или маньяками, их преступления были скорее трагической случайностью, совершенные под воздействием неудачного стечения обстоятельств. Могли ли они искупить вину не кровью? Уверена, что могли. Тогда почему столь суровы были судьи и руководство страны (именно оно ужесточало ответственность, делая все больше статей расстрельными)? Есть ли этому иное объяснение, кроме того, что так власть боролась с ростом преступности? И почему подобное происходило, даже если общество требовало помилования, как произошло с молодым рабочим советского завода Геной Балагуровым?

Особый интерес у меня вызвали истории малоизвестных антисоветчиков: кто были эти люди и как власть того времени боролась с ними? Уехать в лагерь в 1960–1980-е гг. можно было даже за... сборник стихов Высоцкого. Надо сказать, что не всегда дело ограничивалось распространением запрещенной литературы: отдельные антисоветчики объявляли голодовку и пытались совершать теракты... Как перевоспитывали этих бунтарей в советские годы и что стало сегодня с теми из них, кто еще жив? Ответы на эти вопросы вы тоже найдете в книге.

Работая над ней, я не только изучала материалы дел, в результате чего по каждому из них у меня сформировались объемные досье (выдержки из них приводятся в тексте), но и искала следователей, потерпевших, свидетелей, бывших работников судов, которые могли быть участниками тех процессов. Понятно, что большинство из них не дожили до наших дней, и все же мне часто везло. Я также привлекла к осмыслению и анализу приговоров экспертов – действующих судей, юристов, адвокатов. Многие истории в этой книге сопровождаются комментариями, которые они дали во время наших с ними бесед. Я также постаралась сделать книгу как можно более наглядной, проиллюстрировав ее множеством редких фотографий, на которых можно увидеть не только подсудимых, но и места совершения преступлений, протоколы допросов и написанные от руки приговоры.

Изучая собранные материалы, я обратила внимание на интересную деталь: самые сложные дела советский суд рассматривал всего несколько дней, редко – недель. Как считает быв-

ший прокурор Управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры СССР, экс-начальник Управления юстиции г. Москвы Юрий Костанов, в то время руководствовались принципом, что дело нужно расследовать и рассмотреть максимально быстро. Пока судья не вынес приговор, он был не вправе начинать другой процесс. Сегодня и следователи, и суды часто ведут несколько дел одновременно, в итоге это может отразиться на качестве – пропущенных нестыковках, ошибках в фамилиях потерпевших и т. д., что с такой нагрузкой неудивительно. Есть и другая сторона, техническая – сейчас проводится намного больше экспертиз, а это требует времени.

Эта книга, повторюсь, – результат совместного проекта с Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Я хотела бы выразить благодарность его сотрудникам, а также работникам пресс-служб и представителям судов в регионах.

Часть I

Суд над женщинами

По статистике, женщины преступают закон примерно в 6–10 раз реже, чем мужчины. В советские годы лишь около 11 % от всех видов преступлений было делом их рук. В современной России этот процент повысился до 16. Когда те, кому сама природа доверила создавать и сохранять жизнь, готовы отнимать ее у других, обманывать и воровать – это тревожный сигнал всему обществу.

Женская преступность обусловлена прежде всего социальным положением слабой половины человечества, то есть самим устройством общества (хотя бывают и исключения). Преступный мир не признает женщин в качестве авторитетов (но и тут бывают исключения). В любом случае, если о криминальном пути женщины слагают легенды, если ее имя становится символом зла или преступной удачи, важно знать, как все было на самом деле. Это позволит, с одной стороны, не демонизировать или, наоборот, героизировать ее образ, а с другой – понять ее истинные мотивы, выявить те социальные проблемы, которые толкнули ее на путь преступления, и, возможно, найти способы их решения.

Глава 1

Тонька-пулеметчица

**Антонина Макарова
в молодости**

Одной из последних приговоренных в СССР к смертной казни женщин стала Антонина Гинзбург (девичья фамилия Макарова, урожденная Панфилова). Жизнь Тоньки-пулеметчицы (именно так ее прозвали) – это история чудовищной лжи. В послевоенные годы на уроках мужества в школах Гинзбург рассказывала подрастающему поколению о своей героической фронтовой судьбе, о том, как она, будучи медсестрой, спасала раненых, как прошла вместе с бойцами от Москвы до Кенигсберга... И только спустя 30 лет свидетели опознают в ней палача, расстрелявшего не менее 1500 человек.

О Тоньке-пулеметчице написано много, но правдиво ли? Некоторые авторы не смогли удержаться от соблазна наделить Гинзбург чертами, которые ей не свойственны, описать яркие эпизоды, которые в реальности места не имели. А вот о том, что было на самом деле, расска-

зывалось далеко не все, потому что эти подробности долго никому не были известны. Остались за «кадром» и ответы на важные вопросы: как вела себя и что говорила Антонина Гинзбург на суде и следствии? Нашлись хоть какие-то аргументы в ее оправдание? И законен ли был сам смертный приговор?

ИЗ ДОСЬЕ АВТОРА:

Антонина Панфилова (она же Макарова) с 1941 по 1943 г. официально работала сначала в полиции поселка Локоть, потом в местной тюрьме. Тонька-пулеметчица приводила в исполнение массовые смертные приговоры. Расстреливала она не только партизан, но и их семьи, включая женщин. Когда немецкая часть снялась с поселка Локоть в июле 1943 г., уехала вместе с ней. Попала в лагерь, где работала на заводе сварщицей (полтора года варила кухонные котлы). После освобождения лагеря Красной армией выдала себя за советскую медсестру. Вышла замуж за сержанта Виктора Гинзбурга и переехала жить в Белоруссию, где ее никто не знал. До 1978 г. находилась в розыске.

Из материалов дела (все четыре тома уголовного дела № 50 хранятся в архиве УФСБ по Брянской области):

Гинзбург Антонина Макаровна, родилась 1 марта 1920 года в Москве, образование 7 классов, беспартийная, не судима, пенсионерка. До ареста работала на Лепельском промкомбинате контролером по выпуску готовой продукции, проживала в городе Лепель Витебской области. Награждена правительственными наградами: «Пятьдесят лет Вооруженных сил СССР», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими.

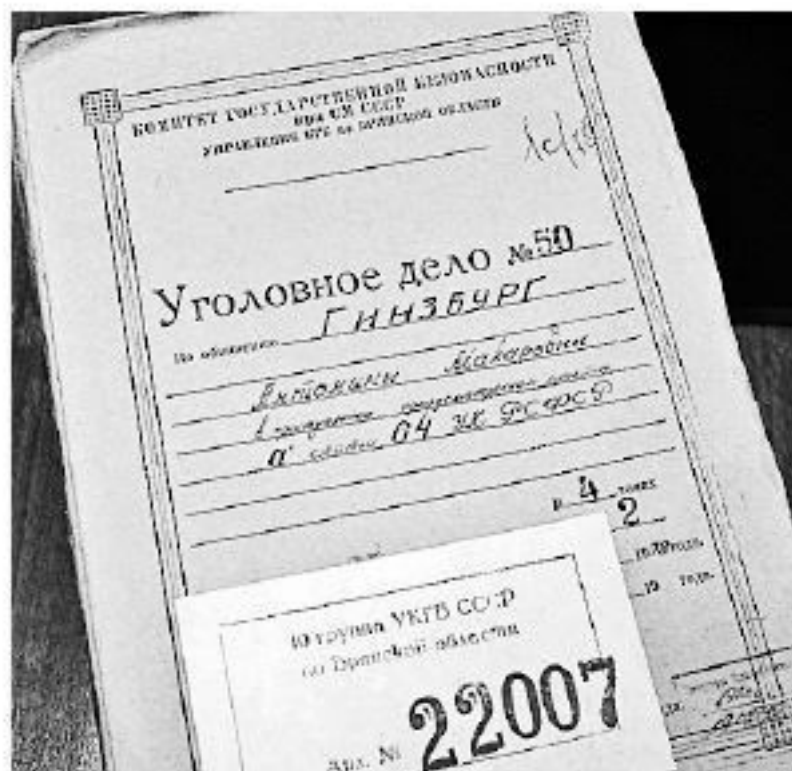

Антонина Гинзбург во время ареста

Антонину Гинзбург арестовали 2 июня 1978 г. в Белоруссии. К тому времени ее все знали как фронтовичку, жену героя войны, мать двух дочерей, которые искренне ею гордились. Обвинение по 64-й статье УК РСФСР «Измена Родине» шокировало всех, кто был с ней знаком в последние 30 лет. Но точно не саму Гинзбург, которая не пыталась бежать, даже не сопротивлялась. Ее сразу доставили в Брянск и поместили в местный СИЗО.

Следствие было недолгим – около пяти месяцев. Из СИЗО Антонина Гинзбург ни строчки не написала ни мужу, ни двум взрослым дочерям. Не было у нее и ни одного свидания с ними, потому что ни она, ни родственники не просили об этом.

Материалы дела поступили в Брянский областной суд 28 октября 1978 г. А уже 10 ноября этого же года Гинзбург предстала перед председательствующим Иваном Михайловичем Бобраковым и двумя народными заседателями. Представьте себе пожилую женщину со следами былой красоты и холодными глазами (так ее описали участники исторического заседания), сидящую в отгороженной части зала (клеток в судах тогда не было).

Так выглядело уголовное дело Антонины Макаровой-Гинзбург

– Гинзбург была на удивление спокойная, – рассказывает представитель Брянского областного суда. – К тому времени она уже на допросах все рассказала, так что на суде ей просто нужно было подтвердить эти показания. Волнения на ее лице заметно не было. Предполагали даже, что для нее арест стал своего рода облечением – трудно было хранить свою страшную тайну столько лет.

Многие убийцы на суде признавались, что ждали своего разоблачения и даже молились о нем. Но вряд ли это касается Антонины Гинзбург. Призналась она только потому, что понимала: доказательств ее вины слишком много и они неоспоримы, ведь живы свидетели ее расстрелов; более того – они перед ней.

– Судебный процесс проходил в здании Брянского областного суда при усиленных мерах безопасности, – продолжает мой собеседник. – Процесс был открытым. И на каждом заседании зал был заполнен до отказа.

Передо мной документы, где тщательным образом зафиксировано все происходящее. Начался процесс с допроса. Говорила Гинзбург четко и спокойно, все обратили внимание, что речь у нее грамотная. Секретарь суда Наталья Маслюк едва успевала стучать по клавишам пишущей машинки, чтобы ни одно из произносимых слов не потерялось. Она вспоминает, что была тогда почти в шоке от всего услышанного: «Было ощущение, что я нахожусь в том времени и присутствую при казнях».

Первая жизнь Макаровой: вязальщица и санинструктор

Мой отец Панфилов Макар в 1940 году покончил жизнь самоубийством – он был алкоголиком. Моя мать Панфилова Евдокия умерла уже после войны, лет 20 назад. Я в семье старшая, у меня три сестры и три брата.

Судя по словам Гинзбург, один из братьев стал полковником, одна из сестер работала в воинской части. На суде их не было, и вообще они ничего не слышали про нее много-много лет. Сложно даже представить, какой страшной трагедией было для них перевоплощение «блудной сестры» в роль палача и предателя Родины.

Антонина рассказывала про свою **первую жизнь**. Про то, как ей в школьные годы ошибочно приписали фамилию «Макарова» (по отчеству ее отца), как она была вязальщицей на трикотажной фабрике, как там частично потеряла зрение и вынуждена была перейти на работу в заводскую столовую.

Фото Антонины Макаровой из материалов дела

В августе 1941 года вместе с другими юношами и девушками я была направлена по путевке комсомола на фронт. Мне тогда был 21 год. Я была комсомолкой. Попала в 24-ую Армию, которая стояла в городе Вышний Волочек, в качестве санинструктора. Закончила курсы Красного Креста.

Но в армии она была не санитаркой, как ошибочно писали, а буфетчицей. Потом стала контролером – проверяла пропуска в столовую, где обедали военные. Воинского звания, как уверяла, ей не присвоили, присягу она не принимала, погоны ей не выдали. Рассказала, как немцы разбомбили обоз, в котором она была и который пытался прорваться через окружение, как выжившие прятались в кустах, как она помогала раненым.

Позже при втором прорыве наших войск дом, где я находилась с ранеными, загорелся. Я помогала спасать их вместе с другими санинструкторами. (Дальше шел подробный рассказ про лагерь для военнопленных, в который она попала.) В этом лагере находились и раненые, а так как у меня была санитарная сумка, я оказывала им медицинскую помощь, перевязывала их, кормила, чем могла.

Вряд ли Антонина выдумывала. В этих ее словах ответ на вопрос – была ли она садисткой, проявляла ли жестокость и агрессию, имелись ли у нее психические отклонения. Нет, нет и еще раз нет. И ей не чужды были сострадание и желание помочь ближнему.

В лагере Антонина познакомилась с пленным солдатом Николаем Федчуком, накормила его супом, который сварила из конины, а он в благодарность предложил сбежать из лагеря. Вдвоем они отправились пешком в деревню Красный Колодец Брянской области, где жила семья Федчука.

В доме у Федчука Антонина провела ночь, так что все рассказы (они встречаются в некоторых СМИ) про то, что он ее бросил еще по дороге, – неправда. Но и жить у себя он ее не оставил. Макарова попросилась на постой к одной местной женщине, та приняла ее, но с оговоркой – на время и без питания.

Вторая жизнь: полицей и палач

**Антонина Макарова
в «другой» жизни**

Надо было как-то жить, что-то есть, – говорила Макарова на суде. Она не искала сочувствия, а прагматично объясняла мотивы своего преступления: – Меня познакомили с начальником локотской полиции Романом Ивановичем. Я устроилась туда работать. При поступлении мне никто не объяснял моих обязанностей. Мне пообещали бесплатное питание, проживание и заработную плату в размере 30 немецких марок. Меня приняли на работу без документов, потому что я потеряла их при бомбежке. Полиции

научили меня стрелять из нагана и пулемета. Меня брали с собой на облавы партизан. Партизан мы не встречали. Однажды мне показали, куда я должна стрелять в случае их появления. Неожиданно в том месте выехал на подводе человек, я выстрелила в его сторону. Не попала, потому что пулемет перекосялся. А человеком этим оказался Роман Иванин. Не знаю, почему он был в том месте. Он чуть меня не убил за то, что я в него стреляла. В июле 1942 года я перешла на работу в локотскую тюрьму, которая располагалась в здании конезавода.

Жила Макарова рядом с тюрьмой в двухэтажном доме: на первом этаже располагалась ее комната, которую она делила еще с одной девушкой-медсестрой, на втором – тюремная контора. Гинзбург, по ее словам, не знала, что будет входить в ее обязанности.

Я ходила в тюрьму посмотреть, в каком состоянии заключенные. Условия содержания были плохие: грязно, душно. Там было много больных тифом. На допросах я не присутствовала. Как это случилось, что я сама стала расстреливать людей, я не знаю. Я тогда была молодой, начальник тюрьмы говорил, что немцы взяли Москву, что теперь везде будет немецкая власть. И я поддалась этой агитации. Встала на путь предательства.

– Важно понимать особенность этого места, – говорит представитель Брянского областного суда.

– В июле 1942 года на оккупированной нацистской Германией территории в поселке Локоть была создана полуавтономная область, возглавляемая собственной администрацией. «Автономия» охватывала площадь восьми районов, включая Брасовский. В досоветские времена эти земли принадлежали императорской фамилии, а в поселке Локоть находилось имение великого князя Михаила Александровича. Брасовские крестьяне не знали крепостного права, жили в спокойствии и достатке. А Гражданская война и коллективизация привели их к разорению. Это и явилось причиной скрытого недовольства советской властью, вылившегося наружу с появлением немцев (решено было принять их как дорогих гостей). Примерно за две недели до прихода танковой немецкой дивизии в Локте собрались сельские старосты и большинством голосов приняли решение назначить «губернатором Локтя и окрестной земли» инженера завода по производству спирта Константина Воскобойника, а его заместителем Бронислава Каминского. Вскоре Константин Воскобойник был утвержден в должности обер-бургомистра всей «Локотской волостной управы», которая увеличилась впоследствии до округа, имела отряд «местной самообороны». Локотские власти обеспечивали немецкие войска продовольствием, во всем им помогали.

ИЗ ДОСЬЕ АВТОРА:

НКВД предпринял операцию по уничтожению Воскобойника, которого считал идейным врагом. В ночь на 8 января 1942 г. партизаны напали на казарму народной милиции Локотской республики и дом бургомистра. Воскобойник был убит. Его место занял Бронислав Каминский, который велел ловить и расстреливать партизан и сочувствующих им.

Сначала начальник тюрьмы Иванин Григорий посылал меня смотреть, как расстреливают заключенных, – продолжала Антонина. – Я не хотела ходить, но меня обязывали. Первое время на расстрелах присутствовало и гражданское население. Немцы специально устраивали такие показательные

расстрелы, по-видимому, с целью устрашить население. Мне неизвестно, насильно ли собирали немцы людей на публичные расстрелы.

Как Макарова начала свою «карьеру» палача, кого именно расстреливала и что при этом чувствовала? У нас с вами есть уникальная возможность услышать ее рассказ, чтобы больше не осталось никаких домыслов.

Впервые я расстреляла в поселке Локоть четверых человек в начале лета 1942 года, где-то в июле. Мне приказал расстрелять этих людей начальник тюрьмы. Я согласилась, так как мне некуда было деться, потому что в противном случае меня тоже могли расстрелять... Пулемет постоянно находился на хранении в караульном помещении, закреплен он был за мной. Пулемет на подводе повезли по направлению к локотскому кладбищу, к большой яме. Говорили, что ранее в этой яме местные жители брали глину. Когда пулемет доставили к месту расстрела, его сняли с подводы, и я поставила его на указанном мне месте. Чуть позже полицейские привели заключенных – четырех мужчин, они были в нательном белье, руки у них связаны. Были ли они молодыми или пожилыми, трудно сказать, так как все были грязными, небритыми, избитыми. Обреченных поставили лицом к яме, начальник тюрьмы дал команду: «Огонь!», – и я застрочила из пулемета по этим людям. Из пулемета строчила недолго, всех узников я убила. Пулемет от них находился на расстоянии 12–15 м. Расстрелянные упали в яму...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.